

гадка Сталина», «Моя театральная жизнь», «Крах империи — убийство Распутина», «В России все секрет и ничего не тайна», «Роковые минуты истории». За свою работу на телевидении Р. дважды, в 1997 и 2001, удостоивался премии «ТЭФИ».

Помимо прочего Р. написал несколько сценариев к фильмам («Улица Ньютона, дом I», реж. Т. Вульфвич, 1963; «Еще раз про любовь», реж. Г. Натансон, 1968 и др.), занимался переводами (П. Зейтунця, З. Халафян, М. Хайрулаев, С. Шальтянис).

Соч.: СС: в 7 т. М., 1998–2003; 104 страницы про любовь: пьесы. М., 1974; Театр времени... Театр про любовь... Театр в театре... М., 1986; Наш Декамерон. М., 1990.

Лит.: Вишневская И. Именно про любовь // Театр. 1965. № 2; Аннинский Л. Время правды // Театр. 1965. № 10; Калмановский В. Что должно признавать за истину? // Звезда. 1969. № 1; Горфункель Е. Монолог о браке // Театр. 1974. № 1; Штейн А. «...лица не общим выраженьем» // Театр. 1982. № 11; Казьмина Н. Прощание // Театр. 1988. № 9; Дементьева М. Монологи Эдварда Радзинского. М., 1990; Монисова И. В. Исторические притчи в современной советской драматургии // Вестник Московского ун-та. М. 1990. № 6. (Серия 9. Филология); Хаустов Н. Т. История и современность в пьесе Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака, записанная в присутствии хозяина» // Худож. творчество и лит. процесс. Томск, 1988. Вып. 10; Хаустов Н. Т. Личность и история в пьесе Э. Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1990. Вып. 16; Мишуrowsкая М. Э. Радзинский: «Понять его чертеж...» // Книжное обозрение. М. 1997. № 34; Муравьев П. Приятная женщина из омота любви: (Театрально-драматическое расследование) // Сибирские огни. 1987. № 5; Ломинадзе С. Вольными мазками // Новый мир. 1998. № 8; Кислова Л. С. «Театр времен» в драме Э. Радзинского «Наш Декамерон» // Культурологические проблемы развития региона. Тюмень, 1999; Кислова Л. С. Концепция любви в цикле «Загадки любви» Эдварда Радзинского // Худож. лит-ра, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1999. Вып. 3; Бушин В. Тайны Эдварда Радзинского // Наш современник 2001. № 5; www.radzinski.ru.

В. Ю. Вьюгин

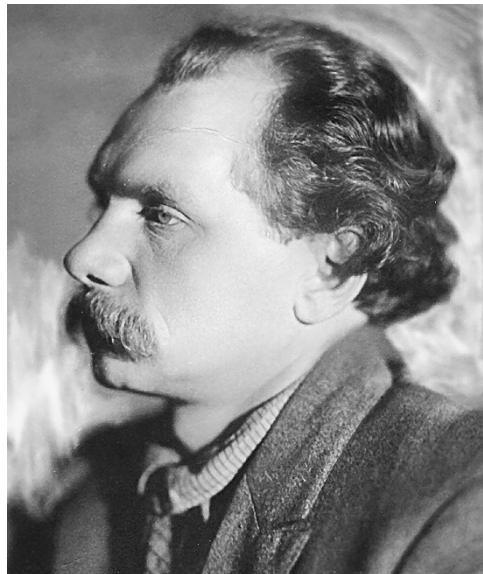
РАДИМОВ Павел Александрович [28.8 (9.9).1887, с. Ходяйново Михайловского у. (ныне Рыбковский р-н) Рязанской губ.—12.2.1967, д. Хотьково Московской обл.] — поэт, художник.

Родился в семье сельского священника. Учился в Зарайском духовном училище, затем в Рязанской духовной семинарии, кото-

рую оканчивает в 1903. Рано пробуждается интерес к рисованию, и, будучи семинаристом, Р. становится учеником рязанского художника Н. В. Шумова. В 1905 делает попытку поступить в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества, завершившуюся неудачей, после чего уезжает в Казань, где в 1906 поступает в ун-т на историко-филол. ф-т. Одновременно учился живописи и рисованию у Н. И. Фешина. В 1911 заканчивает ун-т. В 1912 участвует со своими картинами на тему крестьянского быта на выставке (40-й) художников-передвижников. В 1914 за картину «Старый мезонин» принимается в Товарищество художников-передвижников (рекомендацию подписывают Поленов и Репин).

Живопись становится профессионально-служебным занятием Р.: он преподает историю искусства в Казанской худож. школе и одновременно работает над картинами.

Первые стихотворные опыты относятся к 1905–07. В 1912 выходит первая книга стихов Р. «Полевые псалмы», в самом заглавии которой находят выражение два основополагающих начала ранней поэзии Р.: христианское и природно-земледельческое. В своем обзоре поэтических сб. за этот год Н. Гумилев высказывался о ней как о книге, в которой «есть все качества, необходимые для хорошего поэта», отмечались также и смелый подход к теме, которую автор «старается использовать <...> до конца», и не вызывающее досады влияние французских поэтов — Леконта де Лиля и Франсиса Жамма

П. А. Радимов

(Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 145). Не прошли «Полевые псалмы» и мимо В. Брюсова, который нашел в них «непосредственное чувство природы» и выразил уверенность в том, что Р. «может занять свое место в литературе» (Брюсов В. Сегодняшний день русской поэзии // Русская мысль. 1912. Кн. VII. Разд. «В России и за границей». С. 26).

В 1914 выходит вторая книга стихов Р. **«Земная риза»**, также оцененная Гумилевым, но на этот раз более сложно, чем первая. Поставив поэту в укор то, что он не сделал ожидаемого от него шага к углубленному поэтическому постижению природы, он тем не менее отметил незаурядное реалистическое мастерство поэта-художника в изображении деревенского быта: «Тут его цепкий глаз охватывает наряду с ненужным и нужное, яркую деталь, забавную аналогию. И его описание оживляет чисто русская, даже народная, лукавая насмешливость». О включенной в «Земную ризу» неожиданно свежо написанной гекзаметром поэме **«Попиада»** Гумилев отозвался как о произведении, читатель которого все время «слышит запах травы и лип, внимает стрекозам, благовесту и пристойным речениям на букву „о“ и любит всех этих скромных поповен с русыми косами в руку толщины» (Письма о русской поэзии. С. 185).

В 1910-е Р. сближается с петербургскими поэтами: встречается с акмеистами, его имя присутствует на афишах лит. вечеров «Красы» и «Страды» — объединений новокрестьянских поэтов. В своей поэзии этого периода Р. выступает скромным, мечтательным пономарем затерянной в полевых просторах сельской церкви. Искушенный в жанрах книжной поэзии, Р. свои «размышления о Божьем величестве» и тайнах бытия, но более всего наблюдения над неспешно протекающей вокруг поэта деревенской жизнью записывает в октавах (**«Деревенские октавы»**, **«Чебуриновы буерак»**), сонетах (**«Токаревские сонеты»**, **«Сонеты сорочьего базара»**), терцинах (**«Деревенское кладбище»**), гекзаметрах.

После 1917 Р. деятельно участвует на «культурном фронте» сначала в Казани, где возглавляет отдел искусств Наркомпроса Татарской республики, а затем в Москве. Р. пытается возобновить дело Товарищества художников-передвижников, выступает с докладом **«Об отражении быта в искусстве»**, способствующим вскоре созданию Ассоциации художников революционной России (АХРР). Р. становится первым

председателем АХРР на целое десятилетие. Как активный участник АХРР Р. присутствует на заседаниях партийных съездов, III конгресса Коминтерна, делая наброски к портретам партийных и гос. деятелей, представителей международного рабочего движения (Димитров, Коларов, Цеткин, Сен-Катаяма), пишет картины «Заседание в Кремле», «Выступление Троцкого на II Конгрессе Коминтерна», «Выступление В. И. Ленина на IV Конгрессе в 1922 году» и др. В этот период он знакомится с Луначарским, Буденным, Ворошиловым, с которым у него устанавливаются близкие отношения на всю жизнь. Р. становится членом поэтов пролеткультовской «Кузницы», избирается он также и председателем Всероссийского Союза поэтов. На одном из вечеров в начале 1920-х в Доме печати на Арбате Р. встречается со своим земляком Есениным, который, принимая от него в дар книгу **«Деревня»**, сказал: «Мне эти стихи понравились, под ними и я бы подписался».

В своей поэзии 1920-х Р. оказывается более верным прежней «деревенской» музе, чем в живописи этого периода. Стихи о деревне, в которых крестьянский быт в единстве с природой изображается как цельный, замкнутый в себе мир, рассыпанные им в первых изданиях и периодике, собираются им в единую книгу **«Деревня»** (вышло в разном объеме 4 изд.: Казань, 1922; Ревель; Берлин, 1923; М., 1924; М., 1926), восходящую к традиции «Трудов и дней» Гесиода и «сельской поэмы» Ф. Слепушкина «Четыре времени года русского поселенца». Все действия человека определяются здесь трудовыми усилиями, направленными на благотворный контакт с природой, управляются «путями солнца». С исключительной подробностью описывается и крестьянский быт: «Для домашнего хозяек некоторые стихи Радимова сущий клад: у него так обстоятельно и так аппетитно рассказывается о всей процедуре печения блинов или солки огурцов, что не надо заглядывать в поваренную книгу. Но так же аппетитно и сочно рассказывает он все, за что ни возьмется: и как обряжали покойника, и как девки купаются в пруду, и как баба парится в бане. У Радимова зоркий глаз» (Розанов И. Крестьянские поэты // Крестьянские поэты. М., 1927. С. 14).

Идеологи пролетарской революции рассматривали поэзию Р. как важнейший для них познавательный материал о деревне, необходимый им для того, чтобы вычертить путь политического покорения русского крестьянства. В предисл. к сб. **«Деревня»** (М., 1926)

П. Коган писал: «Поэзия Радимова нужная, может быть, самая нужная поэзия в наше время. Революция уперлась в проблему крестьянина... Та великая схватка, которая началась между трудовым и паразитическим человечеством, не может решиться без него, без русского мужика, судьба революции <...> связана с тем, зажжется ли темное море крестьянства ярким светом сознания, или само зальет и загасит пылавший красный светоч.

О чем шумят листья таинственных лесов, что несут революции молчаливые равнины и что происходит там, в глубине души многомиллионной деревенской массы? Перед тайной крестьянской Руси еще осторожно останавливается русская революция».

После «Деревни» в 1920-е выходят еще две небольшие книжечки Р.: «Телега» (1926) и «Земное» (1927), содержащие стихи, выбранные из сб. «Деревня». В предисл. к последней, автором которого являлся Л. Сосновский, Р. утверждался как подлинный поэт деревни в противоположность Есенину, не бывшему, по мнению автора, ни ее «последним, ни первым поэтом». Однако в период наступившей вскоре кампании раскрестьянивания, коллективизации «Деревня» Р. была подвергнута со стороны партийной критики такой же уничижительной оценке, как и поэзия Клюева, Клычкова, Есенина (была названа О. Бескиным «книжкой сытой одурелости <...>, у которой бока распирает от самодовольного любования добром» (Певцы кулацкой деревни // Земля советская. 1930. № 3. С. 210).

В дальнейшем Р. переключается на пейзажно-описательную поэзию, в которой иногда выбиваются из общей картины компромиссные строки о социалистической идиллии: «Идет обоз гуськом из дальних деревень, / На дугах красный флаг, зная, край других не плоше; / Колхознику везти на пункт ссыпной не лень, / Как говорят: плечей своя не тянет ноша» («Зима в поселке», 1948); «Крестьянского добра прибавилось вволю, / Недаром твердый труд с весны все нивы холит» («Трудодни», 1965), а также тему героического прошлого России и ее культурных гнезд («Венок городов», 1926–62); «Подмосковье» (1929–66), создает цикл стихов «Под небом Азии» (1934–52). Последние 30 лет Р. проживал под Москвой в Абрамцеве. В дни 70-летия Р. вышел его итоговый сб. «Столбовая дорога» (1959).

Соч.: Край родной. М., 1958; Картины Подмосковья. М., 1958; О родном и близком. М., 1973; Избранные стихи. М., 1988.

Лит.: Смирнов С. Поэт-живописец // Радимов П. Картины Подмосковья. М., 1958; Солоухин В. Слово о поэте // Радимов П. Стихи пешехода. М., 1968; Громов А. Павел Радимов // Радимов П. О родном и близком. М., 1973; Железнов И. Художник, поэт, гражданин // Радимов П. Избранные стихи. М., 1988; Старшинов Н. Лицо, лики и личины. М., 1996.

А. И. Михайлов

РАДЛОВА (урожденная Дармолатова) Анна Дмитриевна [22.1(13.2).1891, Петербург — 3.11.1949, с. Переборы Ярославской обл.] — поэт, переводчик.

Отец Р. был личным дворянином. После окончания Высших женских (Бестужевских) курсов Р. увлекается худож. словесностью. Писать стихи начала с 1915, 3 стих. были опубликованы в ж. «Аполлон».

В 1918 выходит первая книга стихов Р. — «Соты». В это время Р. уже достаточно известна в лит. кругах Петрограда, выступает на лит. вечерах. В стих., вошедших в «Соты», читатели видели продолжение ахматовских традиций «дневниковой» лирической поэзии, фиксирующей моменты глубоко интимных душевных переживаний с помощью удачно схваченной «внешней», камерной, пластической детали («Есть час в моей ночи, когда не благодать, — / Нисходит тишина торжественно и плавно, / И на твоём лице дано мне угадать / Улыбку нежную проснувшегося фавна»).

А. Д. Радлова